

ШКОЛА №1

Н.Хананашвили, член Общественного совета г.Москвы

В Москве разгорается скандал по поводу очередного эксперимента в системе столичного образования. С начала 2012 года городским департаментом образования объявлен фактически свободный, электронный режим подачи заявлений на приём детей в первый класс. Почему бы и нет, скажете вы? Каждый же имеет право на свободный доступ к образованию. Однако следствием плохо продуманного действия стала неизбежная диспропорция в популярности одних школ и незаполненности других. Примерно 25 московских учебных заведений оказались в ситуации недоукомплектованности первых классов. Понятно, каждый родитель хочет для своего ребёнка самого высокого качества образования и, следовательно, наилучших шансов для успешного будущего. Очевидно и то, что в какой-то школе концентрируются хорошие, опытные и «продвинутые» преподаватели, где-то – «не очень». Добиться абсолютного равенства невозможно. Но из сложившейся ситуации требуется искать выход. Вариантов, как всегда, несколько.

Наиболее сложный и трудозатратный – начать работу по улучшению качества преподавания в неуспешных школах: провести детальный анализ причин сложившегося положения, найти наиболее слабые точки в системе кадровой комплектации и управления образовательным учреждением и прочее.

Помимо анализа причин, по которым ситуация характеризуется как неудовлетворительная, требуется выработка адресно ориентированной тактики выхода из кризисного положения, формирования своей собственной стратегии нормализации положения и последующего устойчивого развития. Кто, когда и каким образом будет это делать? Сама школа вряд ли справится. Осмелюсь предположить, что у нынешней городской власти готовности да и желания к такой деятельности пока тоже нет.

Что же делается в создавшихся обстоятельствах? Что происходит? А происходит «как обычно» – через очередное «простое решение». Началось массовое преобразование школ, в основном – путём поглощения менее успешных в наборе первоклассников учебными заведениями, имеющими большой спрос у москвичей.

Вместо того, чтобы задаться вопросами повышения качества образования среди «отстающих», Департамент образования г.Москвы стал, без какого-либо серьёзного анализа причин сложившейся ситуации, попросту «укрупнять юридические лица». Причём делается это «руками»... директоров учебных заведений.

Но самое ужасное, что происходит всё как-то по-партизански, втихаря от родительской общественности. Окружные управления запрещают руководству школ ссылаться на собственные устные распоряжения, «инструктивные» электронные письма и даже обращаться в СМИ. В результате директора «сливающихся во взаимной любви» школ пишут абсурдные, по своей управленче-

ской логике, письма с просьбой к окружному управлению разрешить их «инициативу», которой попросту быть не может, она вызвана искусственно, путём административно-силовых управленческих манипуляций.

Директора сегодня оказываются одновременно и заложниками растущего родительского недовольства и, порою – прямых протестов; их очевидная неудовлетворённость становится в то же время и удобным рычагом для подчинения директорского корпуса административно-управленческой столичной вертикали.

Сам по себе «кавалерийский» подход здесь, несомненно, неуместен. Предпринимать кардинальные административные шаги рискованно по многим причинам.

Во-первых, это чревато резким всплеском внутришкольных конфликтов. Какие-то классы из успешной «школы» нужно будет отправлять в здание «неуспешной», ведь там заполнение слабое, нужно выравнять! А кто так просто перейдёт из здания, в котором всё замечательно, чисто и отремонтировано (или, хотя бы заметно в лучшем состоянии), в чужую грязь, запущенность и неустроенность? Естественно, никому не хочется.

Во-вторых, неизбежны и межшкольные конфликты.

Формирование нового, единого коллектива всегда на начальном этапе безболезненно проходить не может. Оставлять два параллельных детских коллектива невозможно, потому что тогда это так и останутся две разные школы. Но представить себе механическое перемешивание классов «успешных» и «неуспешных» школ – тот ещё триллер. Скорее всего, в «неуспешных» обстановка не столь безоблачна, как в смысле успеваемости, так и, естественно, в плане поведения, раз в эту школу родители не хотят отдавать своих детей. Следовательно, неизбежно будут возникать жёсткие конфликты ребят со сложным поведением – с детьми, более благополучными и настроенными на продолжение учёбы.

Кроме того, до объединения существовали разные педагогические коллективы, имеющие не только, возможно, различный уровень квалификации и качества преподавания, но и заметно отличающиеся представления об образовательных программах и требования к профессионализму учителей. Так и школы готовили детей в разные места – для продолжения образования или для выхода во взрослую жизнь с уже имеющимся багажом «и, ради бога, не нужно ничего другого, хорошо, что отмучились!». Собственно, потому там и такая ситуация. А куда этих учителей? Смогут ли они выдержать более высокие требования, или требования будем снижать?

В-третьих: учебные программы. По каким программам с нового учебного года будут учиться ребята? По тем, которые были у преуспевающей школы? Но ребята из школы отстающей более высокой нагрузки могут не потянуть (здесь я даже не рассматриваю возможности существования и различного учебного режима – пяти- и шестидневного). Возникнут не только выше-названные школьные конфликты, но и жёсткие внутрисемейные. Кто ими будет заниматься и как они будут разбираться? Ответы до сих пор в публичном

пространстве столицы отсутствуют. И Департамент образования города Москвы хранит традиционное олимпийское молчание.

И самая интересная группа вопросов, лично для меня:

1) Кто и на основании каких исследований сделал вывод о необходимости именно такого способа преобразования школ?

2) Кто и на основании каких методик произвёл экономические и социальные расчёты о путях производимого «реформирования»?

3) Кто и каким образом будет вести наблюдение и изучение последствий происходящего в дальнейшем и в течение какого периода времени?

4) Каким образом будет обеспечено экспертное и общественное сопровождение процедур?

5) Как заинтересованная общественность (прежде всего – родители) будет осуществлять контроль за реализацией очередных широкомасштабных экспериментов над нашими детьми?

6) Где гарантия, что через некоторое время в нашем городе не останется одна **школа – №1**, состоящая из полутора тысяч разбросанных по Москве зданий и управляемая из единого центра? Ведь в следующем учебном году опять возникнут учреждения, пользующиеся меньшим спросом, нежели их соседи.

Растущее общественное недовольство и последствия таких сиюминутных «экспериментов» для качества столичного образования могут оказаться плачевными уже в ближайшем будущем.

На месте вполне успешных образовательных учреждений могут возникнуть странные искусственные конгломераты, слабоуправляемые и теряющие кадры, собиравшиеся в течение многих лет. Предсказуемый всплеск конфликтов в детских и педагогических коллективах можно прогнозировать уже сейчас, а вот готовности к ним не наблюдается.

Говорю о происходящем не по слухам: гимназия, в которой я являюсь председателем управляющего совета, ставшая в прошлом году получателем гранта московского мэра, как одна из наиболее успешных, подвергается такому же риску необдуманного объединения со школой, находящейся не просто в плачевном состоянии, но имеющей средний балл ЕГЭ – 42 и шприцы, разбросанные в туалетах.

Родители воспринимают предстоящее объединение как явную угрозу не только качеству обучения и воспитания своих детей, но и вполне вероятно – их безопасности.

Уверен, что без широкого публичного обсуждения данной темы и выработки предложений к органам власти города Москвы по разрешению возникшей проблемы властные структуры получат ещё один, довольно жёсткий очаг напряжённости.